

Диакон А. Кураев. Грязная тема

Диакон А. Кураев. Грязная тема

Есть такие темы, которые у христиан “не должны даже именоваться” (Ефес. 5,3).

Но как и в области вероучения “Злоба еретиков вынуждает нас совершать вещи недозволенные, выходить на вершины недостижимые, говорить о предметах неизреченных, предпринимать исследования запрещенные; заблуждения других вынуждают нас самих становиться на опасный путь изъяснения человеческим языком тех таин, которые следовало бы с благоговейной верой сохранять в глубине наших душ” (св. Иларий Пиктавийский. О Святой Троице. 2, 2) – так и в области нравственной порой возникает нужда войти в исследования запретного. Но это уже вторжение не в область запредельной чистоты (как это происходит при осмыслении догматического богословия), но запредельной низости...

Весной-летом 1999 года в московских демократических газетах стало можно обвинять церковнослужителей в содомском грехе. Одна журналистка, с поистине спиритической чуткостью откликаясь на призыв “духа времени”, даже издала “художественную” повесть о распущенности “целибатов” и монахов.

В день, когда вышла вторая из “комсомольских” статей на “грязную тему”, в метро меня даже окликнула хозяйка газетного ларька: “А тут снова про вас пишут!”.

В общем, этим летом сильно похолодало. Нет, обычная погода была жаркая, необычайно жаркая. Но в отношениях между Церковью и “обществом” повеяло ощутимым холодком. В роли холодильника, как всегда, выступила пресса. Естественное отвращение к содомскому греху, который был приписан некоторым архиереям, было использовано для того, чтобы сформировать в людях столь же брезгливое отношение к ко всей Церкви вообще. И вот ради того, чтобы этот ледок растопить, все же стоит переступить апостольское предостережение, и поговорить на “грязную тему”.

Я не могу ничего сказать о тех конкретных людях, которые были обвинены газетами. Но в целом с горечью могу признать: да, и в церковной среде, как и в любой другой, встречаются люди, искушаемые этой страстью. В этой констатации нет ничего необычного: люди всюду есть люди. А церковные люди даже еще более искушаемы духами злобы и нечистоты, чем люди светские, люди, и так не ищущие Христа... Даже искренний, даже святой христианин может быть стужаем этим искушением: “Вопрос: Помысл говорит мне, чтобы я беседовал с братом, к которому чувствую влечение, когда его вижу... Ответ: Брат! И я в юности моей многократно и сильно бывал искушаем бесом блуда и трудился, подвизаясь против таких помыслов, противореча им и не соглашаясь с ними... Брань сию упраздняет непрестанная молитва с плачем... Да не расслабят тебя бесы, чтобы обращать внимание на брата, которым увлекаешься, или беседовать с ним, но если тебе и случится нечаянно с ним сойтись против твоего желания, удержи взор твой со страхом и благопристойностью, и не слушай внимательно его голоса... Скажи помыслу твоему: вспомни страшный Суд Божий и стыд, который постигнет тогда” (Вопросы преп. Аввы Дорофея и ответы старца Варсонуфия Великого, 7).

Но если уж пошли пересуды на эту печальную тему, то стоит вспомнить о том, что разные культуры и разные религиозные традиции по разному реагируют на эти призывы. Как видим, православные люди призываются бороться с подобными помыслами. И даже тот, кто не устоял в этой борьбе – видит в своей страсти грех, падение, повод для целожизненного покаяния (кстати даже те архиереи, о которых шла речь в “комсомольских” статьях, в последующих интервью ясно свидетельствовали о том, что содомский грех они считают грехом и ничем иным).

Но на пороге нового тысячелетия, когда обострились дискуссии о том, что нового принесло христианство в мир, стоит вспомнить и о том, что именно по вопросу о гомосексуализме позиция христианства отличается от многих иных “традиций”.

Вот та традиция, которая вызывает сегодня столько восхищения – причем именно у подростков. Традиция японского рыцарства – самурайства... “Ихара Сайкаку написал известные строки: “Подросток без старшего любовника — все равно что женщина без мужа”. Молодой человек должен проверять, теряет ли старшего в течение, по крайней мере, пяти лет. Если за это время он ни разу не усомнился в его хороших намерениях, тогда он может ответить ему взаимностью. С непостоянным человеком невозможно остановить хорошие отношения, потому что он скоро изменит своему любовнику. Если такие люди посвящают друг другу свои жизни, они пользуются взаимным доверием. Но если один человек непостоянен, другой должен заявить, что не может поддерживать отношения, и после этого решительно порвать с ним. Если первый спросит, почему, второй должен ответить, что не скажет ему ни за что на свете. Если тот не понимает, нужно рассердиться; если он настаивает, нужно зарубить его на месте. Кроме того, старший должен точно также проверять подлинные намерения младшего. Если младший остается верным в течение пяти или шести лет, можно считать, что он оправдывает доверие... Мужеложство в нашей провинции ввел Хосино Рётэцу, и хотя у него было много учеников, он наставлял каждого из них лично. Эдаёси Сабуродзаэмон был человеком, который понял смысл мужеложства. Однажды, когда Сабуродзаэмон сопровождал своего учителя в Эдо, Рётэцу спросил его: — Как ты понимаешь мужеложство? — Это нечто одновременно приятное и неприятное, — ответил Сабуродзаэмон. Рётэцу был доволен его ответом и сказал: — Ты можешь сказать это, потому что иногда тебе приходилось сильно страдать. Через несколько лет кто-то попросил Сабуродзаэмона объяснить ему смысл этих слов. Тот ответил: “Отдавать свою жизнь во имя другого человека — вот основной принцип мужеложства. Если он не соблюдается, это позорное занятие. Если же он соблюдается, у тебя не осталось того, чем бы ты не мог пожертвовать во имя своего господина. Поэтому говорят, что мужеложство — это нечто одновременно приятное и неприятное””¹ .

Но – это Восток действительно дальний; тот Восток, до которого христианство дошло совсем недавно (а православное христианство – только со св. Николаем Японским в 19 веке). Но вспомним тот мир, на смену которому и для исцеления которого пришло Евангелие. Мир Античности.

Уже много столетий – начиная с эпохи Возрождения – в европейских школах преподают цензурированно-приукрашенное представление об античности. Эллада – это беломраморные храмы, дружба людей и богов, близость с природой, поэтическая естественность... И так все это контрастирует с чернорясным монашеством, темным средневековьем, пришедшим на смену античной простоте и человечности... Просто даже непонятно становится – как могла античность переродиться в средневековье...

Это недоумение рождается оттого, что даже хорошо образованные люди свои познания об античной мифологии ограничивают книжкой Куна, адаптирующей греческие мифы для детей. И, конечно, из книжки Куна нельзя понять – почему христианство объявило войну этим милым и прекрасным сказкам.

Но вспомним без цензурных купюр только два, известнейших и прекраснейших греческих мифа. Есть слово, дорогое каждому новорусскому сердцу – Кипр. На Кипре каждому туристу показывают “пляж любви”, на который из пены морской некогда вышла прекрасная Афродита. А в школах при знакомстве с этим мифом показывают репродукции “Рождение Венеры” Боттичелли, Рубенса, Тициана...

И только об одном умалчивают и гиды, и учителя: они не берутся объяснить причину той первой экологической катастрофы. Откуда взялась та самая пена в первозданном море? Рассказ об этом придется начать с бунта Кроноса против Урана. Это бунт, как мы помним, кончился оскотлением первичного бога, а затем – “Член же отца детородный, отсеченный острым железом, по морю долго носился, и белая пена взбилась вокруг от нетленного члена. И девушка в пене в той зародилась. Сначала подплыла она к Киферам священным, после же этого к Кипру пристала, омытому морем. На берег вышла богиня прекрасная... Ее Афродитой, “пенорожденной”, еще “Кифереей” прекрасновенчанной боги и люди зовут, потому что родилась из пены” (Гесиод. Теогония. 188-197).

Второй полужнакомый всем миф описывает рождение Афины из головы Зевса. Обилие аллегорий и в этом случае заслоняет естественный вопрос: а как именно Афина оказалась в Зевсе. Ответ и на этот раз не самый симпатичный. У Зевса в ту пору была супруга по имени Метида. Она обладала свойством полиморфизма и любила перевоплощаться во что хотела. Зевс, решив избавиться от нее, уговорил ее сделаться маленькой... Понятно, какой сюжет воспроизводит сказка “Кот в сапогах”? - Да, едва только Метида стала маленькой, Зевс ее проглотил. Таким образом премудрость оказалась внутри Зевса, ибо Метида была в то время беременна Афиной (см. Гесиод. Теогония, 886-890).

В целом же античность пошла очень странным путем. Казалось бы, та культура, которая провозглашает своим идеалом мужество и естественность, умеренность и гармонию, могла бы миновать именно этот риф. А она именно на нем очень прочно, - на века - засела. Речь идет о гомосексуализме.

Платон ставит любовь между мужчинами значительно выше, чем любовь к женщине. Поведая миф об андрогинах, рассеченных на половинки, Платон повествует: “...чтобы при совокуплении мужчины с женщиной рождались дети и продолжался род, а когда мужчина сойдется с мужчиной – достигалось все же удовлетворение от соития, после чего они могли бы передохнуть, взяться за дела и позаботиться о других своих нуждах... Мужчин, представляющих собой половинку прежнего мужчины, влечет ко всему мужскому: уже в детстве они любят мужчин, и им нравится лежать и обниматься с мужчинами. Это самые лучшие из мальчиков и юношей...” (Платон. Пир. 191с-192а)

Так “Вместе с божественной философией расцвела и любовь к мальчикам” (Лукиан. Две любви, 35). Сексуальные услуги юноши рассматривались как нормальная форма оплаты услуг учителя, обучающего подростка какой-либо профессии. Когда Алкивиад пожелал стать учеником Сократа, “я решил сделать все, чего Сократ ни потребует. Полагая, что он зарится на цветущую мою красоту, я счел ее счастливым даром и великой своей удачей: ведь благодаря ей я мог бы, уступив Сократу, услышать от него все, что он знает. С такими мыслями я однажды и отпустил провожатого, без которого я до той поры не встречался с Сократом, и остался с ним с глазу на глаз,.. и я ждал, что вот-вот он заговорит со мной так, как говорят без свидетелей влюбленные, и радовался заранее. Но ничего подобного не случилось. Я решил пойти на него приступом... Я лег под его потертый плащ и обеими руками обняв этого человека, пролежал так всю ночь. Так вот, несмотря на все мои усилия, он одержал верх, пренебрег цветущей моей красотой... Я был беспомощен и растерян” (Платон. Пир. 217а-219е)2.

Как видим, целомудрие Сократа было предметом удивления. Впрочем, Сократ никогда не осуждал педерастию, никогда не призывал обратиться к женщинам – он лишь призывал любить не только тела мальчиков, но и их души, и душевную близость ставить выше телесной (Ксенофонт. Пир, 8). Оттого “жениться следует всем, а любить мальчиков пусть будет позволено только мудрецам” (Лукиан. Две любви, 51).

Так греки подражали своим богам. На Олимпе всегда хватало педерастов: любовником Зевса был мальчик Ганимед³; любовником Геракла – Гилас; Посейдона – Пелоп⁴. По слову Овидия не кто иной как Орфей “стал он виной, что за ним и народы фракийские тоже, перенеся на юнцов незрелых любовное чувство, первины цветов обрывают” (Метаморфозы 10,83-84).

Гигин в “Астрономических рассказах” (2,5) повествует о том, как Дионис хотел спуститься в царство Аида, чтобы вывести оттуда свою мать Семелу. Человек по имени Просимн показал путь, попросив, однако, у прекрасного мальчика вознаграждение. Дионис, желая увидеть мать, поклялся, что исполнит по возвращении то, что от него хотят. “Плата же, будучи постыдной, устраивает Диониса. Любовным было вознаграждение, платой был сам Дионис...

Возвратившись назад, не застаёт Просимна (ведь тот умер). Исполняя “священный” долг перед любовником, спешит к могиле и предается там противоестественной страсти: срезав кое-как ветвь смоковницы, придает ей форму мужского члена и садится на нее, исполняя обязательство перед усопшим. Как мистическое воспоминание о сей страсти по городам воздвигаются фаллосы Дионису” (Климент Александрийский. Увещание к язычникам. 34,3-5). “Мне кажется, что следует объяснить происхождение слова “мистерия” от musos – позора, выпавшего на долю Диониса” (Климент Александрийский. Увещание к язычникам. 13,1).

Аполлон же был влюблен в мальчика Гиацинта (Аполлодор. Мифологическая библиотека 1,3,3). Но в Гиацинта влюбился и другой бог – бог ветра Зефир. Не встретив взаимности, он решил отомстить Аполлону и Гиацинту. Однажды, когда Аполлон (“златокудрый Феб”) играл с Гиацинтом и учил его метать диск, Зефир подул, отклонил летящий диск, и тот разможил голову мальчику, из могилы которого и выросли цветы гиацинты (Овидий. Метаморфозы 10,175-195)...

Так что греческие гомосексуалисты просто подражали своим богам и героям⁵.

И вот над этим миром раздались слова ап. Павла: “Не обманывайтесь: мужеложники Царства Божия не наследуют. И такими были некоторые из вас; но омылись, но освятились, но оправдались именем Господа нашего Иисуса Христа и Духом Бога нашего” (1 Кор. 6,9-11).

Мужская любовь была возвращена женщинам и освящена церковным таинством...

Христианство вернуло мужчин женщинам, может быть, в благодарность за то, что во время Евангельских событий ни одна женщина не причинила ничего дурного Христу – ни словом, ни поступком.

Но сегодня этот дар христианства людям оспаривается и осмеивается. Сегодня снова престижно и модно принадлежать к “голубой тусовке”.

Ограничусь лишь одной газетной новостью: “Министр юстиции Франции Элизабет Гигу радовалась как ребенок. Вскочила с места, смеялась, хлопала в ладоши. Вместе со всеми депутатами левых фракций Национального собрания. В самом деле левым было от чего веселиться. Им все-таки удалось протолкнуть закон, разрешающий во Франции браки между гомосексуалистами. Закон этот называется “Пакт гражданской солидарности”. или PACS. Те, кто подписал такое соглашение, отныне по закону находятся во взаимоотношениях, соответствующих брачным. Они могут передавать друг другу имущество — как супруги. Платить меньше налогов — как женатые люди, жить под одной крышей. Вести хозяйство. Получать друг за друга пенсию. Те, кто вступил в PACS, уже через год могут подавать заявление о натурализации во Франции (обычный брак такого права не дает). Отныне тысячи мужчин и женщин — иностранцы-гомосексуалисты, живущие с французами или француженками — смогут претендовать на французское гражданство. Чтобы принять подобный закон, левым понадобился год. И 120 часов заседания парламента. Правые бешено сопротивлялись принятию PACS. И все-таки 13 октября закон был принят Национальным

собранием. Большинство в 315 голосов социалистов, коммунистов и “зеленых” против 245 правых депутатов. Левые, в особенности социалисты, выполняли предвыборные обещания, данные еще в 1997 году. Поддержка избирателей-гомосексуалистов была хотя и не решающим, но существенным фактором, склонившим чашу весов в пользу левой коалиции на тех выборах. Еще весомее оказалась помощь левым со стороны соответствующего лобби в кругах предпринимателей и интеллектуалов. Что ж, сторонники идей Карла Маркса и Владимира Ленина не изменили своему амплу. Они уже не раз доказывали, что нет такого закона, который они не были бы готовы принять, чтобы подольше удержаться у кормила власти... Не случайно первой против закона выступила французская католическая церковь. “После этого голосования, — говорится в обращении епископов Франции, — все более насущным становится вопрос, желаем ли мы сохранения в будущем института брака. Желаем ли мы готовить юношество к созданию настоящих семей? Желаем ли мы обеспечить этим семьям возможность выжить, выполнить свою миссию по воспитанию человека — свою незаменимую роль?”. Ответа от политиков священники пока не получили”⁶.

Мы тоже ответа ждать не будем. Просто отдадим себе отчет в том, какое именно “христианское наследие” объявляет отжившим и устаревшим “новый мировой порядок”, громко декларирующий свои притязания на приватизацию третьего тысячелетия. В школах Сан-Франциско первоклашки уже пишут диктанты, в которых вместо традиционного зачина “Жили-были дед да баба”, поставлена новая модель “семейных” отношений: “Жили-были Джон с Джеком...”.

1 - Ямамото Цунэтомо. Хагакурэ. // Книга Самурая: Юдзан Дайдодзи. Будосёсинсю; Ямамото Цунэтомо. Хагакурэ; Юкио Мисима. Хагакурэ Ньюмон. Спб., 1999, сс. 114-115.

2 - Лукиан полагал иначе: “И Сократ был любовником, как всякий другой, и Алкивиад, когда лежал с ним под одним плащом, не встал нетронутым” (Две любви, 53).

3 - “В оные дни небожителей царь к Ганимеду фригийцу страстью зажегся” (Овидий. Метаморфозы. 10,155).

4 - см. Климент Александрийский. Увещание к язычникам. М., 1999, с. 170.

5 - “Не удивляйся, и Патрокл не был любим Ахиллом лишь настолько, чтобы сидеть напротив... Нет, и в их дружбе посредником было наслаждение. Ведь когда Ахилл оплакивал смерть Патрокла, у него вырвалась правда: О, бедер друга близость благодатная!” (Лукиан. Две любви, 53).

6 - Гусейнов Э. Женитьба без Фигаро. Левые во Франции выполнили обещанное гомосексуалистам // Известия 20.10.1999.